

*В.И. Шишкин,
г. Новосибирск*

Ишимский судебный процесс (22–28 февраля 1921 г.)

22 февраля 1921 г. в 11 часов 30 минут в Ишиме открылось публичное заседание выездной сессии революционного военного трибунала Сибири. Весьма вероятно, что аналогичного судебного разбирательства в советской истории не было ни до, ни после этого. Его уникальность состояла в том, что на скамье подсудимых одновременно оказались две группы людей, представлявших диаметрально противоположные политические позиции. К суду было привлечено шесть продовольственных работников, т.е. представителей коммунистического режима, с одной стороны, и 93 местных крестьянина, арестованных за участие в вооруженном мятеже против этой власти, – с другой.

Организация ишимского судебного процесса была инициирована 11 февраля 1921 г. Сибирским бюро ЦК РКП(б). Конкретным поводом для принятия такого решения высшим партийным органом Сибири послужило несколько десятков документов о злоупотреблениях продовольственных работников, совершенных в Ишимском уезде в ноябре 1920 – январе 1921 г. и представленных в распоряжение председателя реввоентрибунала республики К.-Ю.Х. Да-

нишевского бывшим руководителем Ишимской уездной коммунистической организации А.Е. Карякиным¹.

Дополнительную злободневность данному вопросу придало то обстоятельство, что 31 января 1921 г. в Ишимском уезде началось крестьянское восстание, которое стремительно разрасталось и принимало все более угрожающий характер. Десять дней спустя мятеж уже полыхал в прилежавших к Ишимскому уезду волостях Курганского, Омского, Петропавловского, Тарского, Тобольского, Тюкалинского и Ялуторовского уездов, а также в части волостей Камышловского, Тюменского и Шадринского уездов. 6 февраля в районе станций Вагай и Гольшманово повстанцы перерезали северную ветку Транссибирской железнодорожной магистрали, а 10 февраля в полдень около полутора тысяч мятежников с трех сторон ворвались в Ишим, вели бой на его улицах, но, понеся большие потери, были вынуждены оставить город.

Вторично вопрос о судебном процессе в Ишиме – его целесообразности, идеологии и сценарии – был обсужден на секретном заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 15 февраля 1921 г. Сиббюро ЦК приняло решение направить в Ишим выездную сессию во главе с председателем реввоен трибунала Сибири В.Е. Опариним. Однако первоначальный замысел процесса претерпел существенное изменение. Если 11 февраля предполагалось судить только продработников, допустивших уголовные преступления и дискредитировавших советскую власть, то сейчас акценты были расставлены принципиально иначе. Сиббюро ЦК постановило образовать «комбинированный процесс, использовав его в качестве защиты прод[овольственной] кампании». Планировалось, что в роли обвинителя кулака-мятежника выступит председатель Сибирского продовольственного комитета П.К. Коганович, а политического защитника – заведующий отделом Сиббюро ЦК Н.Ф. Преображенский². На следующий день председатель Сибирского революционного комитета И.Н. Смирнов дал находившемуся на пути из Омска в Ишим В.Е. Опарину соответствующую директиву. В ней говорилось: «Цель процесса – оправдать советскую политику и продовольственную практику, не щадя преступников»³.

16 февраля 1921 г. выездная сессия Сибреввоен трибунала в составе В.Е. Опарина, А.А. Ганина, А. Марцинковского, Н.М. Романовича и военного следователя Е.И. Михалаша прибыла в Ишим

и приступила к ведению предварительного следствия. К этому времени мятеж приобрел еще более грозные очертания. В районе станции Мамлютка и Петухово повстанцы перерезали южную ветку Транссибирской железнодорожной магистрали, вышли на линию железной дороги в районе станций Мангут и Маслянская, грозя отрезать Ишим от Омска. 14 февраля они дважды на короткий срок захватывали Петропавловск, вплотную подошли к Ялуторовску. Их отряды находились в 10–15 верстах от Тюмени, в 25–30 верстах от Кургана. Ожесточенные бои велись в двух десятках верст южнее самого Ишима.

Чтобы хотя бы частично нейтрализовать и успокоить население Ишимского уезда, председатель Сибревкома И.Н. Смирнов 15 февраля 1921 г. дал командующему советскими вооруженными силами района Омск – Тюмень комбригу Н.Н. Рахманову приказ созвать 18 февраля в Ишиме представителей от сел и волостей «в целях выяснения причин недовольства крестьян». 18, 20 и 23 февраля 1921 г. такие совещания, на которое прибыли прокоммунистически настроенные делегаты от нескольких десятков сел и деревень Ишимского и Тюкалинского уездов, состоялись. На втором из них вместе с председателем уездного исполкома советов И.Я. Кузьминым и губернским военным комиссаром П.М. Хрустальевым приняли участие А.А. Ганин, А. Марцинковский и Н.М. Романович. Благодаря этому сессия Сибреввоен трибунала получила дополнительную информацию о действиях продработников и причинах восстания почти из первых рук⁴.

Кроме того, сессия располагала материалами, предоставленными ей К.-Ю.Х. Данишевским, и имевшимися в распоряжении местных гражданских и военных властей, политбюро и милиции. В их числе находились некоторые документы штаба Северного фронта повстанцев Ишимского уезда, Голышмановского, Кротовского и Чуртанского волостных военных штабов. Она также получила возможность допросить несколько десятков находившихся в Ишиме пленных мятежников. В результате сессия получила неполную, но достаточно объективную информацию о причинах и обстоятельствах возникновения восстания. «При производстве предварительного следствия выяснилось, – сообщал месяц спустя в реввоен трибунал республики В.Е. Опарин, – что значительная доля вины в возникновении антисоветского настроения, вылившегося в открытое восстание, падает на неумелую, нетактичную и в массе случаев прямо преступную деятельность продработников, работавших среди населения Ишимского

уезда»⁵. Такова была подлинная оценка причин мятежа, данная председателем выездной сессии и основанная на относительно беспристрастном и объективном, насколько это в принципе возможно для коммуниста и сотрудника реввоен трибунала, изучении добытого следствием материала.

Исходя из такого понимания ситуации, 20 февраля 1921 г. сессия Сибреввоен трибунала произвела аресты десяти руководящих работников, на которых имелось наибольшее количество компрометирующего материала. В их числе оказались председатель губернской контрольно-инспекторской комиссии по проведению продовольственных разверсток в Ишимском уезде А.С. Крестьянников, член этой же комиссии М.А. Лаурис, ишимский уездный продкомиссар И.М. Гуськов, его заместитель С.А. Полякевич, председатель чрезвычайной продовольственной «тройки» по Абатскому и Викуловскому районам В.Г. Соколов, абатский райпродкомиссар В.И. Николаев, большесорокинский райпродкомиссар А.Ф. Коротков, викуловский райпродкомиссар М.Г. Заплетин и ишимский райпродкомиссар И.И. Гущин.

Как известно, сущностной чертой коммунистической идеологии, политики и морали всегда являлся «двойной» стандарт. Судебный процесс в Ишиме изначально ставился в соответствии с такой «двойной» установкой. Его задача заключалась не в том, чтобы выявить подлинные причины восстания и наказать виновных в мятеже, а для того, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать правильность коммунистической политики, с другой – «назначить» и покарать виновных в восстании, милостиво отпустить прощение ошибавшимся и введенным в заблуждение. Довольно подробную директиву относительно того, какие обвинения должны быть предъявлены подсудимым работникам и повстанцам, заранее подготовил для сессии реввоен трибунала И.Н. Смирнов⁶. Она была типичным образчиком реализации в советском судопроизводстве именно такого «двойного» подхода. Правда, кажется, она не была передана по назначению, но сохранилась в архиве председателя Сибревкома.

Справедливости ради следует сказать, что сотрудники Сибреввоен трибунала и без указаний И.Н. Смирнова знали существовавшие правила игры. Иначе бы они не работали в таком ведомстве. Публично их линия поведения довольно четко обозначилась уже на проходившем 20 февраля в Ишиме втором совещании представителей от сел и волостей. Вот, например, что говорил на нем приехав-

шим делегатам А.А. Ганин: «При проведении разверстки некоторые советские работники, некоторые продработники не умели подойти к крестьянству, и вот на этой почве пошла агитация, и в результате [произошло] выступление крестьян против власти. Проглядывают среди крестьян и шкурнические интересы. Они зачастую не шли [навстречу] интересам государственным [...]. Нужно ли было брать пикеты? Нет, товарищи, можно было сговориться с сельскими советами, волисполкомами. Этого не было. Агенты Колчака, агенты контрреволюции вас толкали против коммунистов, против советов, и вы пошли»⁷. Таким образом, ответственность за возникновение мятежа возлагалась уже не только на бесчинствовавших в деревне продработников, но и на контрреволюцию, а также на самих крестьян.

Еще более жестко точка зрения о трех выше названных источниках мятежа была сформулирована в заключительном постановлении по делу о вооруженном восстании в Ишимском уезде, подготовку которого 21 февраля 1921 г. завершил Е.И. Михалаш, ранее служивший членом коллегии Екатеринбургской губчека, но 28 марта 1920 г. уволенный за проступки президиумом ВЧК из органов без права впредь служить в них. Причем событийный ряд и причинно-следственные связи были выстроены Е.И. Михалашем в заключительном постановлении принципиально иначе, чем в выступлении того же А.А. Ганина.

В заключительном постановлении утверждалось, что главным виновником происшедших событий являлась контрреволюционная организация, поставившая себе целью свергнуть советскую власть и для приведения своего плана в жизнь решившая опереться на крестьянство. «...Данными следствия установлено, – говорилось в заключительном постановлении, – что зачинщики и руководители восстания, стремясь привлечь на свою сторону широкие массы крестьянства, использовали демагогически главным образом деятельность некоторых агентов власти при проведении государственных разверсток, чтобы восстановить крестьянство против власти». Что касается продработников Ишимского уезда, то заключительное постановление гласило, что часть из них, «забыв свой долг и ответственность перед трудовым народом и его советской властью, совершили ряд преступлений и дали врагам народа, организаторам восстания, повод говорить крестьянам, что эти действия совершались советской властью, и тем самым возбуждать крестьянство против этой власти».

В заключительном постановлении было предложено привлечь к суду реввоен трибунала шесть продработников (И.М. Гуськова, М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова, М.А. Лауриса, С.А. Полякевича и В.Г. Соколова) и 93 взятых в плен повстанцев – крестьян Викуловской, Гольшмановской, Маслянской, Сладковской, Челноковской и Чуртанской волостей. Последние в зависимости от тяжести инкриминируемого им обвинения были разбиты на две группы. 42 из них составляли первую группу и были позиционированы в заключительном постановлении как организаторы и руководители мятежа, а 51 повстанец вошел во вторую группу, членов которой квалифицировали как рядовых участников.

Нужно отметить, что предварительное следствие было проведено, а заключительное постановление составлено Е.И. Михалашем в худших чекистских традициях. Относительно хорошо были документированы и персонально прописаны обвинения, предъявленные только продработникам. Что же касается бывших повстанцев, зачисленных в первую группу, то следствие не выявило достаточной доказательной базы и смогло предъявить им обвинения в самой общей форме, не раскрывавшей характера содеянного каждым из них преступления. Например, жителям Чуртанской волости К.В. Николаеву и Я.Ф. Беспятову инкриминировалось участие в какой-то военной комиссии, соответственно, в качестве ее члена и секретаря. Все обвинение жителя Челноковской волости М.П. Назарова сводилось к формулировке «активный участник восстания в с. Назаровом», его земляка И.Г. Охотникова – к тому, что последний «охранял арестованных коммунистов». Такое же обвинение было предъявлено жителю Викуловской волости П.О. Щетникову. Все обвинение против Г.С. Прокофьева из Маслянской волости и Е.И. Дьякова из Гольшмановской волости свелось к фразе «разбирал железную дорогу». Бывшим повстанцам, зачисленным во вторую группу, было предъявлено одно обвинение на всех: участие в вооруженном восстании против советской власти. Тем не менее такое заключительное постановление в тот же день было рассмотрено и утверждено на распорядительном заседании реввоен трибунала Сибири⁸.

Однако постановка комбинированного политического процесса, на котором суду подлежали не только мятежники, но и ответственные продработники, являвшиеся к тому же членами РКП(б), встретила решительный протест со стороны партийно-советского

руководства Ишимского уезда. Причины такой реакции с его стороны вполне понятны. Главными из них являлись корпоративная солидарность и боязнь того, что следующими на скамье подсудимых могут оказаться они сами. Поэтому 21 февраля 1921 г. Ишимский уездный комитет РКП(б) постановил просить сессию Сибреввоен трибунала отложить слушание дела о продработниках до того времени, когда в его разбирательстве сможет участвовать руководство Тюменской губернии. Одновременно было решено послать в Тюмень шифротелеграмму с просьбой принять срочные меры для защиты арестованных продработников. Поскольку ишимцы сознавали, что Сибреввоен трибунал их просьбу не удовлетворит, было также принято решение делегировать со своей стороны на суд двух защитников, назначив в качестве таковых заместителя ишимского уездного продкомиссара Н.Ф. Карпова и Овчинкина⁹.

Как уже говорилось, открытое судебное заседание выездной сессии Сибреввоен трибунала началось 22 февраля 1921 г. В первоначальный состав суда входили В.Е. Опарин в качестве председателя, А. Марцинковский и Н.М. Романович – членов, А.А. Ганин – запасного члена, В.Д. Устьянцев – секретаря. Назначенные Сиббюро ЦК РКП(б) П.К. Коганович и Н.Ф. Преображенский, занятые более важными делами, естественно отсутствовали. Вместо первого из них на роль государственных обвинителей из Омска были присланы юристы М.А. Готлиб, Е.М. Темкин и Клюев, а защитниками стали военный следователь М.Д. Усевич и некто Талалаев. Кроме того, по просьбе Н.Г. Гуськова, заявленной от имени всех подсудимых продработников, в качестве защитников были допущены к участию в суде также Н.Ф. Карпов, Овчинкин и работавший судьей в Ишиме член РКП(б) В. Бернштам.

Первой неожиданностью для суда стало то, что после оглашения заключительного постановления отказался признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях М.А. Лаурис, шлейф уголовных преступлений за которым тянулся еще с декабря 1919 г., когда он служил военкомом Маслянской волости. Видимо, М.А. Лаурис надеялся, что в очередной раз его возьмет под свою защиту партийно-советское руководство уезда. В то же время он посчитал нужным найти некоторые реальные, на его взгляд, оправдательные мотивы своему жестокому отношению к крестьянам при проведении продразверстки. М.А. Лаурис объяснил свое поведение

категорическими приказами, поступавшими из губернского центра. Нам, продработникам, утверждал он, «угрожали из центра расстрелом, если не будет выполнена разверстка»¹⁰.

В ответ обвинитель Е.М. Темкин был вынужден ходатайствовать о допросе свидетелей, в первой половине 1920 г. занимавшихся расследованием уголовных походов М.А. Лауриса: члена уездного бюро юстиции П.Ф. Герчеса и народного следователя А.С. Масальского. Оба свидетеля подтвердили имевшиеся в заключительном постановлении конкретные факты уголовного свойства. А.С. Масальский, кроме того, дал характеристику деятельности М.А. Лауриса на продовольственном поприще. «Вообще [там], где появлялся Лаурис, – заявил он, – начиналась паника, все прятались»¹¹.

Вслед за М.А. Лаурисом отказались признать предъявленные им обвинения, за исключением отдельных частных эпизодов, Н.Г. Гуськов, М.Г. Заплетин, А.С. Крестьянников и В.Г. Соколов.

подавляющее большинство из 42 повстанцев, отнесенных в заключительном постановлении к организаторам и руководителям мятежа, себя виновными также не признали. Одни из них заявили, что не занимали приписываемых им командных и штабных должностей, другие – что приняли участие в мятеже по настоянию своих обществ («по принуждению народа» – Г.И. Знаменщиков, «был привлечен народом» – К.В. Николаев), третьи утверждали, что повстанцами не являлись, а по распоряжению штабов и обществ выполняли обязанности писарей, секретарей, караульных, подводчиков. Нужно сказать, что эти показания далеко всегда соответствовали действительности. Но, категорически отказываясь признать себя виновными, подсудимые таким образом надеялись на смягчение своей участи судом.

Лишь семь из 42 подсудимых, входивших в первую группу, признали себя виновными. Среди них были житель Викуловской волости П.О. Щетников*), житель Чуртанской волости С.И. Ладин, два жителя Челноковской волости – В.Т. Буданов, ранее служивший председателем сельского совета д. Пороги, и А.Т. Москвин – и жители Голышмановской волости А.Г. Афонасьев, Е.А. Афонасьев и С.В. Стариков. Первый из этих семи подсудимых признался в том, что «караулил арестованных коммунистов», второй – был сотрудником штаба, третий – участвовал в конвоировании арестованных коммунистов в волостной центр, четвертый – в их избиении.

А.Г. Афонасьев сознался, что был начальником местного штаба, его сын Е.А. Афонасьев – являлся командиром взвода, а С.В. Стариков – разведчиком, причем первый из них объяснил, что «действовал по принуждению», второй – «был назначен однодеревенцами после мобилизации», а третий в порядке самозащиты показал, что после бегства повстанческого штаба по собственной инициативе «выпустил воззвание о сложении оружия повстанцами».

По требованию государственного обвинителя М.А. Готлиба для доказательства предъявленных обвинений сессия реввоен трибунала заслушала показания свидетелей, в качестве которых выступили жители Викуловской волости С.М. Копеко и А.М. Парыгин. 19-летний председатель Викуловского волисполкома советов, член РКП(б) С.М. Копеко еще во время предварительного следствия указал на многих крестьян волости как участников мятежа. Здесь же он еще раз заявил, что главарями восстания в волости считает Ф.Т. Бабушкина, А.В., И.В. и В.М. Климовых, Д.С. Шадрина и М.П. Ярославцева, причем о Ф.Т. Бабушкине он сказал, что тот «открытого участия [в мятеже] не принимал, но, как кулак, бывал на собраниях». А.М. Парыгин руководителями восстания назвал погибшего В.А. Ключенко, действительно бывшего начальником волостного повстанческого штаба, Ф.Т. Бабушкина, Буракова, Стрельцова, Д.С. Шадрина, братьев В.П. и М.П. Ярославцевых.

Подавляющее большинство подсудимых из числа бывших повстанцев держало себя на суде достойно. Весьма показательно, что только двое из них – житель Викуловской волости А. Касаткин и житель Голышмановской волости В.П. Скарედнов – дали во время заседания сессии реввоен трибунала свидетельские показания против находившихся рядом с ним односельчан. В качестве руководителей мятежа в своей волости А. Касаткин назвал И.В. Климова, Д.С. Шадрина и Г.А. Чертушкина, а В.П. Скареднов указал на П.С. Баженова и А.И. Таскаева как на принимавших участие в аресте коммунистов.

Протокол судебного заседания сессии реввоен трибунала зафиксировал также выступления государственных обвинителей и защитников. Однако содержание их речей не было записано, кроме речи В. Бернштама. Из протокола известно, что В. Бернштам огласил несколько приказов и телеграмм Тюменского губпродкомиссара Г.С. Инденбаума и члена коллегии губпродкома Я.З. Ма-

ерса. Приведем короткие фрагменты только из двух процитированных телеграмм, 17 и 22 декабря 1920 г. направленных Г.С. Инденбаумом на имя А.С. Крестьянникова, находившегося тогда в Петуховском районе. «Должна быть самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличия хлеба деревни конфискованным», – говорилось в первой из них. «Не останавливайтесь ни перед чем, – требовал Г.С. Инденбаум во второй телеграмме. – [У] селений, растративших продукты, забирайте все, оставляя их на голодной норме»¹². Эти документы подтверждали заявление М.А. Лауриса об ультимативных требованиях губернского центра относительно выполнения продразверстки. Суд был вынужден приобщить их к делу. На этом судебное следствие было завершено, а в заседании объявлен перерыв до следующего дня.

Однако 23 февраля, как было обещано и вопреки утвердившейся практике, сессия Сибреввоентрибунала свое заседание не возобновила. Ничего необычного в таком повороте событий искать не нужно. Напротив, взятый сотрудниками Сибреввоентрибунала перерыв хорошо понятен и легко объясним. Суд явно не справлялся с поставленной перед ним высшим партийным органом Сибири и председателем Сибревкома задачей. Судебное следствие показало несостоятельность обвинения большинства из 42 крестьян как организаторов и руководителей мятежа. Это с одной стороны. С другой – документально было установлено, что произвол продработников в деревне во многом был обусловлен и санкционирован директивами Тюменского губернского центра.

Скорее всего, В.Е. Опарин сообщил о возникших в ходе суда затруднениях в Сиббюро ЦК или Сибревком и получил распоряжение прибыть для более подробной информации в Омск. Во всяком случае уже 24 февраля 1921 г. его доклад был заслушан на секретном заседании Сиббюро РКП(б). Выступившие в порядке обсуждения доклада К.-Ю.Х. Данишевский, П.К. Коганович, В.В. Косиор, С.Е. Чуцкаев и Е.М. Ярославский единодушно подвергли работу сессии Сибреввоентрибунала критике. Особенно резко выступил П.К. Коганович. «Трибунал, – заявил он, – создает себе популярность. Создали объективный трибунал. Впечатление – суд над производственниками. Проба трибунала неудачна. Комбинированный процесс без пристрастия ставить нельзя. [В] результате работа со- рвана»¹³.

Сиббюро ЦК приняло решение, что главной задачей сессии Сибреввоен трибунала является ликвидация восстания, поэтому карать необходимо преимущественно мятежников, прежде всего их руководителей, уличенных в убийстве коммунистов и советских работников, разрушавших железную дорогу. В то же время Сиббюро санкционировало применение репрессий против советских работников в случаях, если будет установлена «злостность и уголовный характер их служебной деятельности». В случае вынесения смертных приговоров Сиббюро ЦК предложило трибуналу их в исполнение сразу не приводить, а доводить до сведения председателя Сибревкома. Поскольку В.Е. Опарин не справился с поставленной задачей, Сиббюро ЦК поручило К.-Ю.Х. Данишевскому временно взять на себя руководство выездной сессией Сибреввоен трибунала¹⁴.

Вместе с тем председатель Сибревкома И.Н. Смирнов счел необходимым наделить В.Е. Опарина, возвращавшегося в Ишим, дополнительными полномочиями, чтобы нейтрализовать любое вмешательство в работу сессии со стороны местных властей, незаинтересованных в выяснении подлинных масштабов царившего в уезде произвола. 26 февраля В.Е. Опарин получил мандат за подписью И.Н. Смирнова, в котором говорилось, что он является «политическим уполномоченным Сибревкома по выяснению причин и обстоятельств, вызвавших недовольство крестьян, выразившееся в разрушении железнодорожных и телеграфных линий в районе Ишимского уезда». В.Е. Опарин наделялся правом восстанавливать органы советской власти, назначать и распускать исполкомы советов и ревкомы, арестовывать и предавать суду Сибреввоен трибунала и даже «давать всем местным органам ЧК оперативные задания»¹⁵.

27 февраля 1921 г. В.Е. Опарин вместе с делегацией от Омской партийной организации на X съезд РКП(б), направлявшейся в Москву, выехал в Ишим. В составе этой делегации находились К.-Ю.Х. Данишевский и Н.Ф. Преображенский. Во время совместной поездки эта «тройка» обсудила и по сути дела вынесла окончательное решение относительно результатов ишимского процесса, который оформила в виде проекта приговора сессии Сибреввоен трибунала, написанного рукой Н.Ф. Преображенского¹⁶.

В то время, пока В.Е. Опарин ездил за получением дополнительных указаний в Омск, советские войска выбили так называе-

мую «голышмановскую пробку» и установили прямую железнодорожную и телеграфную связь Ишима с Тюменью. Возвратившиеся 26 февраля 1921 г. из Ишима в Тюмень губвоенком П.М. Хрусталев и председатель губревтрибунала, заместитель председателя губчека Н.И. Иванов доложили своему губернскому центру о том, что руководство подавлением восстания взяли на себя омские власти, а также о деятельности сессии Сибреввоен трибунала и начале ишимского судебного процесса.

Тюменцы были крайне недовольны вмешательством Омска в их компетенцию, грозившему им дискредитацией перед Москвой, и резко на него отреагировали. В тот же день председатель Тюменского губисполкома советов, член ВЦИК С.А. Новоселов и секретарь губкома РКП(б) С.П. Аггеев направили Помглавкому В.И. Шорину, председателю сессии Сибреввоен трибунала, Ишимскому уездному исполкому советов и комитету РКП(б) пространную телеграмму с протестом против действий омичей, мотивируя свою позицию соображениями формально-юридического порядка. Далее в телеграмме говорилось: «Губисполком принимает меры [к] выяснению причин [и] виновников беспорядка [...]. Результаты ваших действий могут повлечь за собой большие осложняющие серьезное положение последствия. Категорически предлагаем приостановить действия сессии трибунала, ни в коем случае не вынося приговор, [а] имеющийся материал обвинения препроводить [в] Тюмень [в] губчека». В случае невыполнения данного требования Омском тюменцы грозились немедленно принять меры воздействия через президиум ВЦИК советов¹⁷.

Ответная телеграмма из Омска не заставила себя долго ждать. 28 января 1921 г. ее собственноручно написал И.Н. Смирнов и отправил на имя С.А. Новоселова. Эту телеграмму можно считать образцом политического ликбеза, который старший в партийной «табели о рангах» и более эрудированный товарищ дал своему младшему коллеге, еще не усвоившему азы коммунистической этики и революционной практики. Телеграмма начиналась абсолютно нейтральным, лишенным всякой эмоциональной нагрузки словом «Сообщаю». И далее следовал тоже совершенно спокойный, но исключительно жесткий по содержанию и тем более по существу текст. Вот его фрагмент, непосредственно относящийся к работе сессии Сибреввоен трибунала в Ишима: «Для подавления восстания [в] Ишимском уезде, перебросившегося [в] Омскую губернию, была

образована тройка [в] составе ПредСибревкома, Помглавкома и ПредСибЧека, которой были подчинены все воен[ные] силы и местные советские аппараты. По предложению ПредРевтриб[а] республики Данишевского было организовано два воен[ных] трибунала, посланные [в] Ишим и Петропавловск и действующие по директивам Сибоблбюро ЦК РКП. Привлеченные [к] ответственности продовольственники [-] уголовные преступники, совершившие насилие над женщинами и другие уголовные преступления. Считаю абсолютно недопустимым прекращение сейчас работы трибунала, действующего [в] контакте [с] военным командованием на подавлении [мятежа]». Заканчивалась телеграмма словами: «Для согласования действий прошу установить тесную связь [со] мной»¹⁸.

В Ишиме телеграмма тюменского губернского руководства была получена в ночь на 28 февраля 1921 г. Однако В.Е. Опарин, к тому времени наделенный И.Н. Смирновым чрезвычайными полномочиями, проигнорировал требование тюменцев приостановить судебный процесс. Он ограничился тем, что отправил С.А. Новоселову краткую телеграмму, в которой напомнил председателю Тюменского губисполкома советов о том, что в местностях, объявленных на военном положении, реввоен трибуналы имеют право рассматривать дела о гражданских лицах. 28 февраля в 10 часов утра В.Е. Опарин возобновил работу судебного заседания Сибреввоен трибунала. Попытка председателя Ишимского уездного исполкома И.Я. Кузьмина уговорить В.Е. Опарина прервать слушание дела и переговорить по телеграфу с С.А. Новоселовым также не увенчалась успехом¹⁹.

Для оценки того, насколько состоявшееся 28 февраля 1921 г. заседание сессии Сибреввоен трибунала отвечало нормам судопроизводства, не будет лишним привести два факта. М.Д. Усевич, фигурировавший на первом заседании в роли защитника, но не произнесший в этом качестве ни слова, на втором заседании выполнял функции секретаря сессии. Протокол заседания, длившегося почти семь часов, за составление которого отвечал М.Д. Усевич, уложился в несколько строчек, к сожалению, не дающих даже приблизительного представления о том, как разворачивались события. Вот весь текст этого протокола:

«Слово было предоставлено защитникам т. т. Бернштаму, Овчинкину и Карпову.

После речей защитников председателем было предоставлено последнее слово подсудимым, в котором подсудимые к прежде данным показаниям ничего не добавили.

Выслушав последнее слово подсудимых, трибунал удалился в совещание для вынесения приговора.

В 5 час. вечера председателем был объявлен приговор, после чего судебное заседание по настоящему делу было объявлено закрытым»²⁰.

Сессия Сибреввоентрибунала приговорила 46 подсудимых, в том числе 41 крестьянина и пять продработников (М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова, М.А. Лауриса, С.А. Полякевича и В.Г. Соколова) к высшей мере наказания. Но в отношении В.Г. Соколова, принимая во внимание его заслуги перед советской властью, приговор был сразу же смягчен и расстрел заменен лишением свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ. 45 крестьян суд приговорил к пятилетнему условному заключению в доме лишения свободы с обязательным применением принудительных работ. Восемь подсудимых, среди которых находилось семь крестьян и продработник И.М. Гуськов, сессия Сибреввоентрибунала признала невиновными. Приговор был объявлен окончательным и ни в каком порядке не подлежащим обжалованию²¹.

Как только был оглашен приговор сессии Сибреввоентрибунала, партийно-советское руководство Ишимского уезда немедленно запиской по прямому проводу доложило в Тюмень С.А. Новоселову о его содержании. Оно истерически утверждало, что «этот приговор парализовал работу всех аппаратов продорганов. Ожидающая очереди [суда] другая партия [арестованных продработников] потеряла всякое самообладание. Приговор на всех местных работников произвел удручающее впечатление»²².

Безусловно, такая эмоциональная оценка была верна только отчасти. На самом деле у ишимских руководящих деятелей после первых же разговоров с В.Е. Опариным существовали опасения, что на скамье подсудимых окажутся не только продработники, но и они сами. Поэтому они умоляли С.А. Новоселова «делайте, что можете», настойчиво просили его оказать давление на Омск и даже на Москву²³.

Полтора часа спустя после окончания заседания суда сам В.Е. Опарин секретной телеграммой проинформировал И.Н. Смирнова о «статистических результатах» судебного процесса²⁴. По по-

ручению И.Н. Смирнова В.Е. Опарину сразу же ответил управляющий делами Сибревкома Л.А. Данцис. В его телеграмме говорилось: «Сиббюро находит целесообразным применить высшую меру лишь в отношении продовольственника Лауриса, остальным считает возможным дать меньшую меру наказания». Если понимать этот текст буквально, то по сути дела В.Е. Опарину было предложено после окончания суда внести изменения в вынесенный и публично оглашенный приговор. Под «остальными», разумеется, имелись ввиду только продработники, а отнюдь не 41 крестьянин, судьба которых абсолютно никого из руководителей всех уровней и рангов не интересовала. Отметим также, что в действительности никакого заседания Сиббюро ЦК с обсуждением возникшей ситуации не проводилось. В телеграмме Л.А. Данциса от В.Е. Опарина требовалось после осуществления этой манипуляции сообщить «в Тюмень и нам окончательный приговор», но не приводить его в исполнение «до нашего разрешения». Кроме того, В.Е. Опарину вменялось в обязанность после приведения приговора в исполнение «вернуться в Омск, передав дальнейшую работу тюменским органам»²⁵.

Судя по всему, В.Е. Опарин, как минимум, был удивлен полученному через Л.А. Данциса указанию. Вместо его исполнения он срочно передал И.Н. Смирнову полный текст вынесенного приговора, а также напомнил ему о том, что проект приговора написан Н.Ф. Преображенским и утвержден председателем реввоентрибунала республики К.-Ю.Х. Данишевским²⁶. Тогда И.Н. Смирнов ответил В.Е. Опарину новой телеграммой, в которой говорилось: «Приговор в отношении Крестьянникова, Заплетина и Полякевича приведением [в] исполнение приостановить. Возбуждаю ходатайство перед ВЦИК о смягчении [меры наказания]. Остальное приемлемо». Копию своей телеграммы И.Н. Смирнов направил для сведения в Тюмень С.А. Новоселову²⁷.

1 марта 1921 г. И.Н. Смирнов по прямому проводу обратился к председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой смягчить приговор реввоентрибунала в отношении М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова и С.А. Полякевича, заменив им высшую меру наказания лишением свободы с применением принудительных работ²⁸. В тот же день В.Е. Опарин доложил о вынесенном приговоре председателю реввоентрибунала республики К.-Ю.Х. Данишевскому, откуда сразу же получил распоряжение приостановить исполнение приговора в

отношении М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова и С.А. Полякевича. Не дожидаясь положенных по закону 48 часов после оглашения приговора, В.Е. Опарин 1 марта 1921 г. отдал приказ Ишимскому политбюро привести его в исполнение. В 23 1/2 часа все остальные осужденные, приговоренные к высшей мере наказания, были расстреляны²⁹. Скупая информация о результатах судебного процесса была опубликована сначала в местной уездной газете, а полмесяца спустя – в «Советской Сибири». Предложение В.Е. Опарина напечатать текст приговора в виде листовки для широкого распространения среди населения И.Н. Смирнов отверг как нецелесообразное³⁰.

Иначе складывалась судьба большинства тех продработников, которые вынудили крестьян взяться за топоры и вилы. Оправданный по суду И.М. Гуськов продолжал находиться на «продовольственном фронте». В июне 1921 г. он стал членом коллегии Тюменского губпродкома и прослужил в этой должности до февраля 1922 г. С апреля 1922 г. он являлся заместителем наркома продовольствия Башкирии, а в августе того же года перешел на работу в систему наркомата внутренней торговли³¹.

Приговоренный к пяти годам лишения свободы В.Г. Соколов умер в Тюменском исправительном доме в конце весны или в начале лета 1921 г.

Что касается М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова и С.А. Полякевича, то в начале марта 1921 г. Тюменский губисполком советов получил распоряжение председателя ВЦИК М.И. Калинина переслать их дело в президиум ВЦИК³². Так и было сделано. Из президиума ВЦИК оно поступило в реввоентрибунал республики. Военный следователь-докладчик реввоентрибунала республики Дьяконов, рассмотрев имевшийся по делу следственный материал, 5 апреля 1921 г. подготовил заключение, в котором пришел к выводу, что «все пункты обвинения доказанными». Кроме того, Дьяконов при подготовке заключения счел нужным учесть мнение председателя реввоентрибунала Сибири В.Е. Опарина, который в своем докладе специально отметил, что «приостановление этого приговора в отношении трех вышеуказанных лиц может принести с собой нежелательные последствия, так как тамошние красноармейцы и все население вообще, терроризированные обвиняемыми, будут крайне недовольны отменой приговора». Состоявшееся на следующий день распорядительное заседание реввоентрибунала республики согла-

силось с представленным Дьяконовым заключением, оставив в силе приговор сессии Сибреввоен трибунала³³.

Судя по всему, приговоренные к высшей мере наказания продработники каким-то образом узнали об отрицательном отношении Москвы к их амнистии. Чтобы спасти свои жизни, они стали настойчиво взывать о помощи к губернскому руководству, которое в принципе им всегда сочувствовало. В одном из своих писем на имя С.П. Аггеева, С.А. Новоселова и председателя губчека П.И. Студитова они обратились к тюменскому начальству с просьбой решить вопрос «местными силами». Любопытна логика, которой при этом руководствовались заключенные, уговаривая своих товарищей по партии поступить подобным образом. В одном случае они вполне резонно писали так: «... И если это будет юридически не совсем законно, зато по крайней мере по закону революционной совести»³⁴. В другой раз бывшие продработники задали тюменскому руководству такой вопрос: «... Неужели в губернии не могут сделать все, хотя бы это и нелегально было, [чтобы осуществить] наше освобождение?»³⁵.

Нужно признать, что руководители Тюменской губернии не оставались равнодушными к судьбам осужденных продработников. Но добиться отмены вынесенного им «расстрельного» приговора они не могли в течение нескольких месяцев. Возможно, этому препятствовала корпоративная солидарность ревтрибунальцев, считавших, что приговор в Ишиме вынесен обоснованно и противившихся его пересмотру. Не исключено, что невольным противником амнистии ишимских продработников, сам того не подозревая, стал В.И. Ленин. Как известно, 15 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) В.И. Ленин – видимо, основываясь на информации, предоставленной ему К.-Ю.Х. Данишевским и Е.М. Ярославским, – заявил, что «ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления»³⁶. Поэтому настойчиво добиваться от Москвы амнистии тех, о ком В.И. Ленин публично заявил как о вполне заслуженно расстрелянных, было политически некорректно и даже небезопасно.

Но летом 1921 г. ситуация изменилась. Советский продовольственный аппарат, понесший весной большие кадровые потери, остро нуждался в проверенных людях, имевших опыт принудительных заготовок. Особенно большой дефицит сотрудников испытывал Тюменский губпродком, который во время мятежа потерял около

двухсот ответственных работников³⁷. Используя возникшую ситуацию, Ишимский уездный и Тюменский губернский исполкомы советов стали бомбардировать ВЦИК ходатайствами о пересмотре приговора, вынесенного М.Г. Заплетину, А.С. Крестьянникову и С.А. Полякевичу. При этом они совершенно не стеснялись откровенно дезинформировать центр. Так, в одном из обращений губернского исполкома во ВЦИК утверждалось, что дело ишимских продработников «было рассмотрено односторонне», большинство предъявленных им обвинений «не соответствует действительности», некоторые проступки «приписаны им совершенно ложно» и т. п.³⁸

Одновременно партийно-советское руководство Тюменской губернии обратилось в Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком с письмом, в котором предприняло попытку обелить осужденных и, напротив, дискредитировать реввоен трибунал Сибири. «Решение Сибвоенрев трибунала, – говорилось в этом документе, – внесенное (так в тексте. – В.Ш.) в обстановке крайнего политического напряжения в Ишимском уезде, по глубокому убеждению губкома и губисполкома, подтвержденному губернской контрольной комиссией РКП, ни в коей мере не соответствует преступлению перечисленных товарищей, вся вина которых заключается лишь в том, что они были подневольными исполнителями тяжелого нажима сверху»³⁹.

Все это возымело действие. 6 июля 1921 г. президиум ВЦИК принял решение удовлетворить ходатайство о замене М.Г. Заплетину, А.С. Крестьянникову и С.А. Полякевичу расстрела пятью годами лишения свободы с применением принудительных работ⁴⁰. В конце этого же месяца президиум ВЦИК дал согласие на освобождение А.С. Крестьянникова из заключения под поручительство Тюменского губкома РКП(б). Постановлением Тюменского губернского рев трибунала от 17 августа 1921 г. под поручительство местного губпродкома были освобождены из-под стражи М.Г. Заплетин и С.А. Полякевич⁴¹.

В августе 1921 г. все они вновь оказались на руководящих должностях в Тюменском губпродкоме. Более того, «за особые труды и энергию», проявленные при сборе продналога 1921\1922 гг., А.С. Крестьянников и С.А. Полякевич были поощрены руководством. Кроме того, определением Тюменского губернского рев трибунала от 26 июля 1922 г. они были полностью освобождены от

наказания. После этого С.А. Полякевич по семейным обстоятельствам уволился со службы и покинул Тюмень⁴². А.С. Крестьянников же проработал на различных ответственных должностях в Тюменском губпродкоме до конца мая 1923 г. и, по оценке руководства, за эти годы «проявил себя в высшей степени энергичным и добросовестным работником», неоднократно поощрялся за «блестящее проведение [продовольственных] кампаний»⁴³.

Можно утверждать, что ишимский судебный процесс имел ярко выраженный политический – или, говоря другими словами, заказной – характер. Он был организован по инициативе и ставился по сценарию большевистского руководства, отнюдь не стремившегося к выявлению подлинных причин разыгравшейся на просторах Зауралья и Казахстана кровавой трагедии и к наказанию виновных в ней. Этот суд был скорым и несправедливым по отношению к значительной части ишимских крестьян, поднявшихся на защиту своей собственности и человеческого достоинства от государственного произвола и насилия. Что касается продработников, то по отношению к ним этот процесс оказался не торжеством правосудия, а пародией на него. Главным результатом ишимского судебного спектакля явилась демонстрация правильности проводимой РКП(б) политики, прочности коммунистического режима и его непобедимости в борьбе с внутренней контрреволюцией. Будучи открытым и показательным по форме проведения, он оказал деморализующее влияние на настроение и поведение поднявшегося на вооруженную борьбу с коммунистами населения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Сибирская Вандея. Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. М., 2001, т.2 (1920–1921), с.150–152. Значительная часть предоставленных А.Е. Карякиным документов была опубликована нами в первой главе данного сборника.

² Там же, с.188–189.

³ Там же, с.198.

⁴ ГАРФ, ф.р.-1235, оп.140, д.22, лл.59–61.

⁵ ГАОО, ф.р.-1374, оп.1, д.15, л.37.

⁶ Сибирская Вандея, т.2, с.213–214.

⁷ ГАРФ, ф.р.-1235, оп.140, д.22, л.61.

⁸ За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921). Сборник документов. Составитель и ответственный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000, с.244–252.

⁹ ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.60, л.13.

¹⁰ АУФСБТюмО, ф.6491, т.1–2, л.119.

¹¹ Там же, л.120.

*) В документах встречается и другое написание фамилии этого человека – Шетинков.

¹² Там же, лл.114–115, 120–122.

¹³ Сибирская Вандея, т.2, с.282.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАНО, ф.р.-1146, оп.1, д.3, л.32.

¹⁶ ГАНО, ф.п.-1, оп.9, д.15а, лл.75, 77.

¹⁷ Там же, лл.54–55.

¹⁸ Там же, л.58.

¹⁹ ТОЦДНИ, ф.1, оп.3, д.85, лл.43–44.

²⁰ АУФСБТюмо, ф.6491, т.1–2, л.122.

²¹ Сибирская Вандея, т.2, с.304–308.

²² ТОЦДНИ, ф.1, оп.3, д.85, л.45–46. Фактически все выводы ишимского уездного руководства о негативном влиянии приговора сессии Сибреввоен трибунала на политическую ситуацию в уезде были сформулированы за два дня до окончания судебного процесса на заседании президиума уездного исполкома советов (см.: Сибирская Вандея, т.2, с.298).

²³ Там же.

²⁴ ГАНО, ф.п.-1, оп.9, д.15а, л.64.

²⁵ Там же, л.71.

²⁶ Там же, л.77.

²⁷ Там же, лл.59–62, 70а; ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.277, л.38.

²⁸ ГАНО, ф.п.-1, оп.9, д.15а, л.70.

²⁹ АУФСБТюмо, ф.6491, т.1–2, лл.128–130; т.3, л.365.

³⁰ ГАНО, ф.п.-1, оп.9, д.15а, лл.89, 104; Серп и молот (Ишим), 6 марта 1921 г.; Советская Сибирь (Омск), 16 марта 1921 г.

³¹ РГАЭ, ф.1943, оп.17, д.9823, лл.1–2;

³² ГАТюмо, ф.р.-2, оп.1, д.153, л.35.

³³ АУФСБТюмо, ф.6491, т.3, лл.373–374; РГВА, ф.24640, оп.1, д.4, л.286.

³⁴ ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.276, л.149.

³⁵ ТОЦДНИ, ф.1, оп.2, д.69, лл.4–5.

³⁶ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с.437.

³⁷ РГАЭ, ф.1943, оп.2, д.2842, л.1.

³⁸ ГАТюмо, ф.р.-2, оп.1, д.153, лл.58, 120.

³⁹ ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.254, л.102.

⁴⁰ АУФСБТюмо, ф.6491, т.3, л.376; ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.276, л.88.

⁴¹ ГАТюмо, ф.р.-2, оп.1, д.153, л.128; ф.р.-11, оп.1, д.2043, л.1.

⁴² ГАТюмо, ф.р.-11, оп.1, д.1040, л.4; д.1428, л.15; д.2043, лл.28, 30; РГАЭ, ф.1943, оп.2, д.584, л.51; д.586, л.49; оп.17, д.18536, л.1; д.28066, л.1.

⁴³ ГАТюмо, ф.р.-11, оп.1, д.1428, л.38.